

*Природа-мать! когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...* (Некрасов о Добролюбове)

Г. Г. Водолазов

По-над пропастью

драма

Действие 1

(Сцена разделена на две части: слева – Афины, справа – Москва. Действие идет попеременно то на левой, то на правой части. При переходе – одна часть затемняется, другая – где идёт действие – высвечивается).

Левая, плакат: «Афины. 399г. до н.э.»

(Античная комната. За столом – Трое, по одеждам и манерам видно – это крупные сановники – тираны Афин. Важные, насупленные. Напротив, на стульях трое афинян (в богатом одеянии кожевенный богач Анит, в более скромных одеждах – поэт (молодой и бездарный) Мелет и оратор (тоже – посредственность) Ликон – представители афинской, заискивающей перед властью, интеллигенции).

Анит. (развалясь). В общем Сократа больше терпеть нельзя. Он всё наше государство, всё общество разваливает. И когда? Когда с юга нам грозит до зубов вооружённая Спарта, а на Севере набирает силу воинственная Македония, да и персы не оставили надежду вновь вторгнуться в нашу страну. Сейчас, как никогда, нам надо быть сплочёнными. Единый строй, твёрдое руководство, нога в ногу! А что делает Сократ? Он развращает всё наше молодое поколение, вносит раздор, раскол в общество. Учит подчиняться не руководителям государства, не родителям, а неким «высоким идеям», создавать некую «демократию», которая была будто бы успешна во времена его молодости, в эпоху Перикла. Он учит, как

он говорит, «самостоятельно мыслить». А «самостоятельно» - это же значит всё врозь, всё как попало, всё в разные стороны. Вот мой двадцатилетний сын. До знакомства с Сократом был хороший, послушный мальчик, был как все. Внимал высшему начальству, уважал мнение родителей, почитал наших богов. А это ведь не просто боги, это – все наши жизненные ориентиры. А тут – Сократ. Я сына учу: вникай в моё кожевенное дело, будешь богат и знатен, учись делать карьеру, иди со всеми нога в ногу, не выпадай из общего стройного ряда. А он мне: «Это – быть как ты?». «А чем это плохо?». «А тем, отвечает, что для тебя главное – богатство, деньги и унижительное послушание начальству». «Ну, а что главное, спрашиваю, для тебя?». И он мелет в ответ какую-то чепуху: «А для меня главное – Человек, его идеи, его свобода, демократия». Вот ведь. Как будто бы он – человек, а я – и не человек вовсе. И вообще: чего не скажешь – «А ты объясни «зачем», «почему», ты мне не указывай, ты докажи». Это же ужас! Мы такими в молодые годы не были. Для нас слово старших, слово власти было законом. Слушаешь – и исполняешь. При этом себя, конечно не забываешь. Потому и добились многого. А им, этим оболваненным Сократом, нужна какая-то «самостоятельность». Им, видите ли, нужна «демократия». Да, я, если хотите, сам за демократию. Но за такую, которая не привносила бы раздор в общество, которая бы всех объединяла, чтоб не порознь, «самостоятельно» топали, а шли строем, нога в ногу.

Мелет. Да он, Сократ, не просто старых богов не признаёт, он ещё каких-то новых выдумывает. Вот придумал какого-то «Даймония». Это-де бог Совести, это, говорит, «внутренний голос», которому надо особенно доверять. Слушайте-де чаще этот голос какой-то там «совести» - и следуйте ему, он-де не подведёт.

Ликон. В общем надо приструнить этого человека. И как следует.

1-й, главный, олигарх. Ну, и что Вы предлагаете?

Анит. Судить его и приговорить к смерти.

1-й. А кто должен «приговорить»?

Анит. Как кто? Наш афинский, самый справедливый суд в Греции.

1-й. Ты знаешь, сколько судей в каждом из наших судов?

Анит (мнётся). Знаю. Много. Что-то около ста.

1-й. 501! И как ты их заставишь вынести желательный тебе и всем нам приговор? Надо же, чтобы больше половины за него проголосовало.

Анит. Дайте мне слово для обвинения, и я запросто смогу всех убедить.

1-й. Дать тебе слово, Анит, - значит провалить всё дело. Это тебе не твоих сапожников убеждать, которые тебе тупо в рот смотрят. Тут другая публика, избранные. Они же смеяться над тобой будут. Ну, что ты тут говорил: «Я – за демократию, которая всех в один строй построит». Какая же это «демократия»? Такой режим, Анит, называется «тиранией». Или ты сетуешь, что твой сын хочет не бездумно следовать твоим советам, а ясно понимать – «зачем» и «почему». Чего ж тут плохого? Разумный юноша! А вот отец, не умеющий толково объяснить, вот он, извини, не очень разумный. Нет, друзья, тут другой, более тонкий разговор нужен. И вести его должен не богатый и бестолковый сапожник (извини, Анит!), а скромный представитель афинского образованного сословия.

(К Мелету) Как тебя?

Мелет. (Изгибаясь, робко). Мелет. Поэт.

1-й. Вот, например, этот Поэт-Мелет. Ему веры больше будет. Ну, и кроме того, наши умные люди напишут ему речь, которую надо будет только зачитать. Так что, Анит, на трибуну тебе вылезать не надо. А вот с простыми людьми, с твоими сапожниками и портными говори, сколько твоей душе угодно. Чем примитивнее и грубее – тем для них понятнее и убедительнее. Такое народное мнение будет очень полезным для нас. А вообще за ваши советы и за ваш настрой – спасибо!

(Анит и два молодых человека уходят).

1-й (2-му олигарху, чином пониже). Начинай со своими друзьями подготовку к суду. Первое: Как я уже сказал, пусть наши умники для этого поэтишки напишут толковую речь-обвинение. Второе. Иметь в виду: у Сократа – сила слова, у нас - слово силы. Наша Сила должна победить его Слово. Проведи основательную работу с судьями. Выясни их запросы, потребности, желания. Найди способ их реализовать. Средства из казны получишь в нужном количестве. Я уже распорядился. И чтобы – как минимум, 251 голос за нужное нашему государству решение! Действуй!

(Гаснет свет левой половины. Зажигается правая).

Кабинет в Кремле. 1936 год.

На стене - портреты Сталина и Молотова

(Во главе стола – Секретарь ЦК, Ежов, Вышинский, Ульрих. Сбоку, на стульях Адоратский, Аросев)

Секретарь ЦК. Так. Все в сборе? Ежов!

Ежов. (Встаёт по стойке смирно).

Секретарь ЦК. Вышинский!

Вышинский. (привстаёт, изгибается, заискивающе улыбается). Я здесь.

Секретарь ЦК. Ульрих!

Ульрих. (не вставая, поднимает руку)

Секретарь ЦК. Адоратский, Аросев! (вскакивают). Пойдите пока погуляйте. Вас позовут (Адоратский и Аросев выходят).

Секретарь ЦК. Товарищ Ежов! Доложите, как идёт подготовка мероприятия.

Ежов. Планируем на конец 37-го-начало 38 года. Предстанут несколько десятков человек. Главные лица: Бухарин, Рыков, Томский, Крестинский, Раковский, 1-й секретарь ЦК Белоруссии, несколько министров и их подручные. Список мы вам подготовим.

Подпольная антисоветская организация. Убийцы, шпионы, вредители.

Секретарь ЦК. Как шло подготовительное следствие? Ваши люди с ними хорошо поработали? Сбоев не будет?

Ежов. На первом этапе некоторые трудности были. Но наши ребята провели соответствующую работу. Всё будет в порядке. Не первое наше мероприятие.

Секретарь ЦК. Где намечается его проведение?

Ежов. Думается, Колонный зал – лучшее для этого место. Тайная комната для Главного – рядом со сценой. Соответствующее оборудование туда уже завезено. Следить оттуда за происходящем на сцене очень удобно.

Секретарь ЦК. Общественность?

Ежов. Будет! Как договорились – полный зал, несколько сотен человек.

Секретарь ЦК. Проследите, чтобы все были в гражданской, скромной одежде, без кителей, гимнастёрок, без этих ромбиков и кубиков в петлицах, без всяких там орденов-медалей. Ваши орлы любят покрасоваться. Простые советские труженики! И обязательно, чтобы были женщины. Знаете – жёны, там, матери. И ни одного мало-мальски сомнительного человека. За мероприятием будет следить вся мировая общественность и наши зарубежные друзья. Товарищ Вышинский! Речи, выступления свидетелей, реплики обвиняемых?

Вышинский (угодливо изгибаясь, привстаёт). В принципе всё готово, кое-чем надо ещё дополнить, кое-что подшлифовать, но у нас ещё есть время. Как будто бы, всё продумано.

Секретарь ЦК. Только без всяких «как будто». Вы меня поняли?

Вышинский. Понял. Спасибо.

Секретарь ЦК. Товарищ Ульрих, на вас, как на председателе, – особая ответственность. Главное – Бухарин. Пресекайте все возможные его попытки замутивать воду. Не давайте ему

возможности жонглировать двусмысленными формулами. Будет прибегать к эзоповому (с двойным дном) языку. Тут же резко снимайте эту двусмысленность; перетолковывайте его ответы, дабы они не звучали двусмысленно, чтобы в них оставался единственно возможный смысл.

Ульрих. Не беспокойтесь, меня он не проведёт.

Секретарь ЦК. Не будьте излишне самоуверенны, т. Ульрих.

Секретарь ЦК. (Ежову). Позовите главных «свидетелей». (Входят Шарангович, Манцев, Яковлева, Карелин, Ходжаев).

Секретарь ЦК. Так вот, товарищи, рассматривайте это как важное партийное поручение. Выполните успешно – ордена и хорошая работа (правда, под другой фамилией и подальше от центра, как вы понимаете). Будете неубедительны – пеняйте на себя.

Шарангович. Да, я за партию, за товарища Сталина...

Секретарь ЦК. Ладно, ладно. Сохраните свой пафос до выступления на суде. Товарищ Ходжаев?

Ходжаев. Не беспокойтесь. Будет всё как договорились на следствии.

Секретарь ЦК. Товарищ Карелин?

Карелин (молчит, смотрит в пол).

Секретарь ЦК. Вы меня слышите, Карелин? Что, есть какие-то проблемы?

Карелин. (После паузы, как бы проснувшись, суетливо). Нет, нет. Как договорились.

Секретарь ЦК. Уведите «свидетелей». (Уводят). Пригласите Адоратского и Аросева. (Входят). Вот какое дело, товарищи. Решено командировать Бухарина в Германию и Францию – выкупить у тамошних социал-демократов архив Маркса. Вы будете его сопровождать. Фиксируйте его встречи, его разговоры. Не препятствуйте, если он сговорится с кем-то о тайной встрече. Он знает, что здесь тучи над его головой сгущаются. Возможно, решит остаться на Западе. Для нас это хороший (может, даже лучший)

вариант. Суд над ним и его соратниками можно будет провести и без него. На суде о нём будет сказано всё, что нужно, и при этом он не сможет мутить воду, в чём он, как вы знаете, большой мастер.

Ардаматский. Он вряд ли останется. Он не сможет оставить свою молодую жену – там такая любовь!

Секретарь ЦК. Жене мы дадим возможность поехать вслед за ним. Вы свободны. (Ардаматский и Аросев уходят).

Секретарь ЦК. Теперь о самом главном – в случае, если он вернётся. Андрей Януарьевич!(Вышинский встаёт в полусгибе).

Секретарь ЦК. (морщится): Да, садитесь вы, садитесь (садится, но весь внимание, вытягивает шею по направлению к Секретарю ЦК. Об интонации и содержании ваших выступлений как главного обвинителя. Тут нужна работа одновременно и тонкая, и грубая.

Бухарин может напомнить немало тёплых слов, сказанных в его адрес Лениным. Он-де «любимец партии», что из молодых он «самый талантливый». Или эта его известная реплика Троцкому: «Если нас с вами белогвардейцы убьют, смогут Бухарин со Свердловым справиться?» - Бухарин рассматривается как один из главных наследников Ленина. Или вот это обращение Ленина к канцлеру Германии Вирту: «**Я — пожилой человек, и у меня нет детей. Бухарин для меня как сын, и я прошу как о личной любезности, чтобы Бухарину была дана виза и предоставлена возможность лечиться в Германии**».

Так вот. Не дать ему играть на этом, вызывая симпатии общественности. Надо сразу громко и резко заявить, просто ошарашить всех - что Бухарин готовил убийство Ленина в ходе споров о Брестском мире. И тут вам надо быть особенно убедительным. Тем более, что мы не забываем о вашем поступке летом 1917 года.

Ежов. О каком поступке?

Секретарь ЦК. Странно, что вы не знаете, товарищ нарком госбезопасности. Андрей Януарьевич летом 1917 года был председателем Якиманской районной управы и комиссаром

милиции. И на основании решения Временного правительства издал приказ о розыске и аресте «немецкого агента Владимира Ульянова-Ленина». Улицы центра столицы были заклеены объявлениями о его розыске за подписью Вышинского. Андрей Януарьевич подписал «распоряжение о неукоснительном выполнении на вверенной ему территории приказа Временного правительства о розыске, аресте и предании суду, как немецкого шпиона, Ленина». А командующий войсками Петроградского военного округа генерал Половцев приказал командиру отряда, специально созданного для поисков В. И. Ленина, расстрелять его на месте, «при попытке к бегству». Так что, товарищ Вышинский, у вас есть возможность на процессе не только выполнить партийное поручение, но и загладить свою, прямо скажем, тяжелейшую вину перед нашей партией.

Вышинский. Я сделаю всё, как вы сказали.

Ежов. У нас, в ходе следствия, возникла идея обвинить Бухарина в подготовке убийства не только Ленина, но и товарища Сталина.

Ульрих. Можно даже Свердлова сюда добавить – для, так сказать, усиления картины.

Ежов. Я поддерживаю. Можно ещё и к выстрелу Каплан его пристегнуть.

Секретарь ЦК. Это как?

Ежов. Ну, что покушение Каплан произошло с его ведома и согласия.

Секретарь ЦК. А это не слишком? Кто-нибудь из эсеров это подтвердит?

Ежов. Мы уже, в принципе, с Карелиным договорились.

Секретарь ЦК. Ладно. Действуйте. Только чтобы всё было максимально правдоподобно. Ну, что же, товарищи, основное мы определили. Доработка деталей и частных – для этого у вас ещё есть время. (Начинают расходиться)

Ульрих (приватно, Вышинскому). Андрей Януарьевич, в своей обвинительной речи вы, как прокурор, должны будете предложить меру наказания.

Вышинский. Тут всё ясно: предложу расстрел. Ну, за исключением тех, кто с нами сотрудничал и кому мы обещали и орден дать, и жизнь сохранить - вроде Шаранговича.

Ульрих. Давайте всё же насчёт них посоветуемся с нашим председателем. Как бы нам тут не ошибиться.

Вышинский. Ох же, и перестраховщик вы, товарищ председатель суда. Ну, хорошо. (Кидается вслед за уходящим «Молотовым»). Простите, пожалуйста, я вот хотел посоветоваться насчёт приговора...

Секретарь ЦК. (на ходу, не оборачиваясь). Всех расстрелять.

Вышинский (на мгновение остолбенел). Это я понимаю. А тем, кто с нами сотрудничал и кому мы обещали сохранить жизнь?

Секретарь ЦК. (Не оборачиваясь, резко) Я сказал – всех!

Вышинский. (после секундной паузы, вдруг горячо) – вослед спине уходящего Секретаря ЦК. И это правильно!! Я вот только что сказал это тов. Ульриху.

Действие 2

В Париже

Аросев. Николай Иванович, звонили из Москвы. Ваша супруга приезжает.

Бухарин. Не может быть.

Аросев. Точно!

На вокзале

Бухарин, Аросев с букетом цветов. Ларина выходит из вагона. Бухарин подхватывает её, целует.

Аросев (преподносит цветы). Цветы от Николая Ивановича. Этот «безусый юноша» дамам цветы не дарит, стесняется. Вот просил меня это сделать.

Бухарин. Познакомься, Анюта. Мой друг Аросев. В Москве в 17-м мы с ним завоевали советскую власть, а теперь в Париже стараемся отвоевать архив Маркса. Только пока не очень получается. Требуют за него слишком высокую цену. А Сталин назначил по минимуму – и точка. Ну, ты знаешь его: вот столько и ни франка больше. Я уж с ними и так и эдак. Перехожу на дружеский, шуточный тон. Хочу как-то разрядить напряжённую атмосферу. Говорю Дану (ну, это – лидер меньшевиков в эмиграции): «Как вы похудели, Фёдор Ильич!». А он мне, с вызовом: «Это потому, что большевики выпили всю мою кровь. А вы по той же причине растолстели». Не принял дружеского тона. Ну, и я ему ответил: «Ну, и вы моей хорошо попили! И не только в дооктябрьский период. Вот недавно в своём «Социалистическом вестнике» опубликовали запись моего конфиденциального разговора с Каменевым. Разговора, где я прошёлся по Сталину, не выбирая слов. Ну, и естественно, этот номер вскоре оказался на его столе. Скандал, как вы понимаете, был невероятный...». В общем, Аннушка, приходится возвращаться домой с пустыми руками, без архива.

(Идут по вечернему Парижу)

Аросев. Ну, что за народ, эти французы: целуются прямо на тротуарах, не обращая на прохожих никакого внимания. Ну и нравы! Самое сокровенное – на глазах публики!

Бухарин (озорно). А чем мы хуже? (Делает стойку на руках и проходит так несколько метров).

Аросев. Да, вы что, товарищ бывший член Политбюро, руководитель Коминтерна, завтра же все газеты вас «кверх ногами» напечатают... (Прохожие равнодушно проходят мимо, совершенно не реагируя на «странного» человека. Бухарин становится на ноги, хохочет, подхватывает на руки Ларину и целует).

Бухарин. Вот так-то, товарищ Аросев. Мы – не хуже (Заливается счастливым смехом. Прощается с Аросевым).

(Бухарин с Лариной).

Какой-то Человек. Николай Иванович, можно вас на минуточку? (отходят). Я – от подруги и бывшего секретаря Розы Люксембург Фани Натановны Езерской. Она хотела бы с вами встретиться. Приватно, без ваших друзей. Вот её адрес.

Комната бывшего секретаря Розы Люксембург Фанни Езерской

Езерская. Николай Иванович, я устроила наше тайное свидание вот зачем. Знаю, приближается день вашего возвращения.

Бухарин. Да, и возвращения, увы, с пустыми руками. Не смог договориться о цене архива Маркса.

Езерская. А разве вы не догадывались, зачем вообще вас сюда прислали? Архив – ну, это же только предлог. Очень нужен вашему Хозяину этот архив! Он давно превзошёл Маркса. А уж про Энгельса и говорить нечего. Сколько «ошибок» он у него накопал! Но я сейчас о другом. Вы – очень умный, но, простите меня, очень наивный (то есть – чистый сердцем и мыслями) человек. Неужели вы не понимаете, зачем вас сюда послали? Вы же знаете лучше меня, какой травле вас подвергают, какие обвинения сыплются на вашу голову последнее время. Общественность приучают к мысли, что вас надо посадить – с неизбежным расстрельным приговором. И вот в этих условиях Хозяин посылает вас за границу. Зачем? (Бухарин встаёт и начинает нервно ходить по комнате). Зачем, я вас спрашиваю. А затем, чтобы вы не вернулись, остались здесь. Судить вас, «любимца партии» (по слову Ленина), человека, по книгам и учебника которого учились все граждане вашей страны, человека яркого смелого, острого на язык, энциклопедически образованного, который сможет на процессе своих обвинителей выставить дураками и подлецами – зачем им такой риск?

А вот вы останетесь, «сбежите» - всех этих рисков им удастся избежать. Вас будут судить заочно, без вашего участия, назовут «предателем», скажут, что ваше «бегство» есть признание своей вины и правдивости возводимых на вас обвинений. Да, вы сможете здесь протестовать, опровергать, но ни один звук вашего голоса не дойдёт до Ваших соотечественников. Таким образом, будет наиболее успешным (по их мнению) образом решена задача устранения вас с политической арены – последнего конкурента Сталина из той когорты вождей, о которых Ленин писал в своём завещании.

И зачем вам прислали сюда жену? Что за благородство такое, что за гуманизм, совершенно не свойственный нынешним руководителям вашим? Понимали, что без жены вы тут ни за что не останетесь.

Таким образом, сейчас перед вами выбор: вернуться и предстать перед судом с почти неизбежным смертельным приговором или остаться здесь. Оставайтесь, Николай Иванович! Ведь ваш Хозяин не вечен. А вам всего 48 лет. Вы ещё вернётесь к политической жизни у себя в стране. А ваши знания, ваш ум нужны мировому социалистическому движению. Вы сможете описать происходящее в вашей стране, открыть глаза людям, желающим придти к гуманному, демократическому социализму (к той цели, о которой много писал в последние годы своей жизни и ваш учитель Ленин, и моя великая подруга Роза Люксембург). Вы сможете сохранить и приумножить то ценное, что есть в марксизме, не дать исказить, перевернуть его философствующим подхалимам и карьеристам. Вы тут сможете понять и объяснить, почему ваша великая Октябрьская революция обернулась десятилетием спустя кровавым деспотическим режимом. Вы сможете указать наиболее совершенные пути его преодоления. Мы поставим издание газеты, и вы станете её главным редактором. Это будет новая «Искра»! Кроме вас, это сделать некому! Оставайтесь!..

(Бухарин останавливается и долго, молча смотрит на собеседницу, точнее – сквозь неё. И вдруг поворачивается и, не попрощавшись, уходит. На улице, на скамейке его ждёт Ларина).

На скамейке

Ларина. Что случилось? Почему такой бледный, мрачный?

Бухарин. Здешние друзья советуют не возвращаться. Ты понимаешь, какая складывается ситуация? Когда мы вернёмся, Коба меня убьёт. Это мне совершенно ясно. При этом он затерзает и тебя. Вспомни, как он расправлялся с родственниками уничтоженных или осуждённых старых большевиков – расстрелы детей, едва перешагнувших совершеннолетие; жён – в лагеря на невыносимые сроки, а то и к расстрелу. Мысль об этом для меня особенно мучительна.

Аннушка, родная, ну, просто не знаю, как поступить. Остаться здесь я просто не могу. Идеи и дело Ильича, Октябрьская революция, социализм – это и мои идеи и мои дела. Я отдал им всю мою молодость, все мои силы, всю мою жизнь. И вот – бежать, оставляя всё это в руках предателей и мерзавцев, испоганивших все наши мечты и надежды, бежать, не попытавшись, хоть немного ограничить их всевластие, хоть что-то спасти, хоть что-то сказать моим соотечественникам – это свыше моих сил, это просто НЕВОЗМОЖНО для меня. Что делать, Анюта?

Ларина (обнимает и целует его). ЕДЕМ!

Бухарин (ожил). Спасибо тебе, моя милая, моя дорогая Аннушка (целует её). И, быть может, всё не так мрачно, не так безнадежно. Может, остаётся ещё небольшой зазор для жизни и для борьбы...

Ларина. Едем!

Москва. Колонный зал. На трибуне Вышинский.

Вышинский.

С каждым днем и с каждым часом судебное следствие по настоящему делу показывало все больше и больше, все страшнее и

страшнее цепь позорных, небывалых, чудовищных преступлений, совершенных подсудимыми, всю отвратительную цепь злодеяний, перед которыми меркнут и тускнеют злодейства самых закоренелых, самых гнусных, самых разнузданных и подлых преступников. Троцкисты и бухаринцы, то есть "право-троцкистский блок", верхушка которого сидит сейчас здесь, на скамье подсудимых, это не политическая партия, не политическое течение, это банда уголовных преступников и не просто уголовных преступников, а преступников, продавшихся вражеским разведкам. Так называемый "право-троцкистский блок" - это организация шпионажа, диверсий, вредительства, политических убийств и распродажи своей родины врагам, это наемная агентура фашистских разведок. Это один из отрядов фашистских провокаторов и поджигателей войны. Перед всем миром разоблачается теперь презренная предательская, бандитская деятельность Бухариных.... Они продавали родину, торговали военными тайнами ее обороны, они были шпионами, диверсантами, вредителями, убийцами, ворами - и все для того, чтобы помочь фашистским правительствам свергнуть Советское правительство, свергнуть власть рабочих и крестьян, восстановить власть капиталистов и помещиков, расчленив страну советского народа, отторгнуть национальные республики и превратить их в колонии империалистов. Бухарин - это прожженный политический плут и один из крупнейших организаторов иностранного шпионажа против СССР, это лицемерная, лживая, хитрая натура, "проклятая помесь лисицы и свиньи".

Бухарин и другие заговорщики имели своей целью сорвать Брестский мир, свергнуть Советское правительство, арестовать и убить Ленина, Сталина и Свердлова и сформировать новое правительство из бухаринцев. Теперь полностью раскрыто и то чудовищное преступление, которое имело место 30 августа 1918 года. Я имею в виду покушение на жизнь Владимира Ильича Ленина 30 августа 1918 года со стороны эсеровской террористки Каплан. Стало известно, что вопрос о террористическом акте

против Ленина был поднят в 1918 году никем иным, как именно Бухариным.

Теперь установлено, что и Киров был убит по постановлению вот этого "право-троцкистского" центра. Установлено также, что Горький, Менжинский, Куйбышев пали жертвами террористических актов, осуществленных по заданию этого же «право-троцкистского блока».

И в организации вредительской работы роль Рыкова и Бухарина была руководящей. Здесь я только укажу на эту позорнейшую практику подбрасывания в предметы продовольствия стекла и гвоздей, в частности, в масло. Стёкла и гвозди в масле! Это же такое чудовищное преступление, перед которым, мне кажется, бледнеют все другие подобного рода преступления. Или этот эпизод из деятельности бухаринца Зеленского – история с 50-тью вагонами яиц, которые Зеленский уничтожил сознательно для того, чтобы оставить Москву без этого необходимейшего продукта питания. Теперь ясно, почему здесь и там у нас перебои, почему вдруг при богатстве и изобилии продуктов нет того, нет другого, нет десятого. Именно потому, что виноваты в этом вот эти изменники...

Камера в Бутырках

(на нарах сидят Бухарин и Рыков)

Рыков. Ну, сегодня наш прокурор разошёлся! И какая фантазия!

Бухарин. Да, Жюль Верн просто отдыхает!

Рыков. И какое образное мышление! Наконец-то, я понял, кто ты, Николай. «Помесь лисицы и свиньи»! Зверя такой помеси ещё не знала история!

Бухарин. Ну, вот теперь он появился!

Рыков. А если серьёзно. Как ты предполагаешь реагировать на всё это фантастическое творчество?

Бухарин. Никак!

Рыков. Ты не думаешь возражать?

Бухарин. Не думаю!

Рыков. Ну, как же так? Ведь, тебя называли «убийцей». И не каким-то там «одноразовым». Серийным!! Ленина готовился убить дважды – за его позицию по Брестскому миру, а потом – вместе с Каплан, уже не поймёшь за что, просто так! Заодно хотел отправить на тот свет Сталина и Свердлова. Это всё «доказано» - «свидетели» подтвердили. Но поскольку Ленина, Сталина и Свердлова укокошить тебе как-то не довелось, ты стал убивать всех подряд – Кирова, Горького, Менжинского, Куйбышева, Пешкова (можно было, между прочим, ещё Орджоникидзе пристегнуть!).

При этом стал ещё шпионом всех мыслимых разведок мира – фашистской (ну, это, в первую очередь!), польской, австрийской, английской, японской, американской (как только на всё это времени у тебя хватало!).

Ну, и апофеоз – вредитель! И какой изощрённый! Вот только представить эту картину, о которой поведал прокурор. Под покровом ночи (днём нельзя – постовые загребут!) Председатель правительства Рыков и глава Коминтерна Бухарин тащат в сарай где-то раздобытые ими громадные стёкла. Вооружившись молотками, начинают крушить их, превращая в груды осколков. Затем притаскивают огромные мешки (или коробки - тут надо уточнить) невесть где добытого сливочного масла и начинают вдавливать в него набитые ими осколки.

Бухарин. Про гвозди не забудь!

Рыков. Да, ещё и гвозди.

Бухарин. Желательно – ржавые.

Рыков. Ну, конечно. К осколкам в масло добавляются ржавые гвозди! Готовая таким образом масляная диверсия отволакивается в магазины – и будет она стоять сотен жизней советских людей.

Бухарин. А тем временем на железнодорожные пути Казанского вокзала для наших злоумышленников пригонят 50 вагонов яиц. И

начнут эти диверсанты (призвав на помощь некоего Зеленского, ибо вдвоём с 50 вагонами не справиться!) давить сапогами ...

Рыков. Желательно – «коваными»!

Бухарин. Да, именно коваными сапогами давить эти яйца, лишая Москву и москвичей утренней яичницы и провоцируя продовольственный кризис. Вот он где источник всех голодоморов 30-х годов!

Рыков. Да, ты прав, Николай, всё это абсолютно неопровержимо!..

Бухарин. Ну, а всё-таки бой дать надо! Помнишь Гамлета: «Смиряться под ударами судьбы, иль надо оказать сопротивление?». Так вот, Алексей, я, подобно Гамлету, выбрал «сопротивление». Не для «смирения» вернулся я из Франции. Попробую дать им бой.

Рыков. Надеешься на победу?

Бухарин. Да! Но моя победа будет не сохранение моей личной жизни. Здесь я обречён. А победа - состоящая в доказательстве того, что сталинизм – не продолжение Октябрьской революции, а измена ей, что сталинизм – это предательство социалистических идеалов. И что Сталин – это не Ленин сегодня. Это – Анти-Ленин. Моя победа будет в том, чтобы побудить следующее за нами поколение к размышлению над тем, как и почему случилось, что великая Октябрьская революция, провозгласившая народовластие, социальное равенство и свободу, обернулась через 15 лет кровавым, деспотическим режимом, настоящим народным бедствием. Последние годы я много думал над этим. Времени не хватило додумать. Пусть додумают идущие за мной, пусть найдут пути способы преодоления этого бедствия, и создания гуманного, демократического общества, которое я бы назвал обществом реального гуманизма!

Рыков. И ты думаешь, сможешь всё это высказать на этом процессе? Да тебя на полуслове оборвут.

Бухарин. Попробую найти способ достучаться до потомков через головы этого дурака и тупицы Ульриха и подлеца Вышинского.

Попробую протиснуться через игольное ушко имеющихся возможностей. Для реализации этого замысла у меня есть две главные идеи. Первая - уже частично реализована на одном из предыдущих заседаний. Ну, ты помнишь: я открыто признался в своей «контрреволюционной деятельности».

Рыков. И это признание с удовольствием приняли наши палачи.

Бухарин. Но при этом, и, надеюсь, ты заметил, я подчеркнул, что острое моей контрреволюционной борьбы было направлено, как я сказал, «против блистательного сталинского руководства». Иначе говоря, моя контрреволюция – это антисталинизм, это борьба контр (т.е. против) той «революции», которую сталинцы называют «революцией сверху (так они обозначают свою варварскую стратегию коллективизации).

Рыков. Ты знаешь, мне кажется, что тупице Ульриху в перерыве кто-то подсказал, что как-то двусмысленно звучит это твоё признание. И предложили, думаю, уточнить сие. И он, ты помнишь, начал орать, что ты пытаешься его запутать и потребовал, чтобы ты признал себя виновным, как он сказал, в «**антисоветской** деятельности» с самого начала 20-х годов, то есть со времени Ленина.

Бухарин. Помню. Но я, как ты тоже, наверное, помнишь, отказался доставить ему это удовольствие. И в ответ на его требование рассказать о моей «антисоветской» деятельности я с подчёркнутой скромностью покорно ответил: «Слушаю!» и дальше: «Третьего дня я закончил на том, что в конце 1932 года образовался блок правых-троцкистов-зиновьевцев примерно на основе рютинской платформы». А рютинский манифест (в котором много заимствований из моих статей) знаешь как начинался: *«Партия и пролетарская диктатура Сталиным и его кликой заведены в невиданный тупик и переживают смертельно опасный кризис. С помощью обмана, клеветы и одурачивания партийных лиц, с помощью невероятных насилий и террора, под флагом борьбы за чистоту принципов большевизма и единства партии, опираясь на централизованный мощный партийный аппарат, Сталин за*

последние пять лет отсек и устранил от руководства все самые лучшие, подлинно большевистские кадры партии, установил в ВКП(б) и всей стране свою личную диктатуру, порвал с ленинизмом, стал на путь самого необузданного авантюризма и дикого личного произвола и поставил Советский Союз на край пропасти...». Вот тут вся моя «контрреволюция» как на ладони.

Рыков. Но подробно о «манифесте» этом говорить тебе, естественно, не дали. Но оповещение о нём, как о нашей позиции ты сделал! И поскольку «Манифест» этот довольно широко ходил по рукам, то всякий любознательный человек мог получить представление о сути нашей позиции.

Бухарин. А ещё в этом контексте я упомянул и о своём (тоже широко ходившем по рукам) заявлении на Пленуме ЦК. Ну, там я уж выдал на полную катушку. «Нас обвиняют в «чудовищном заговоре», - писал я. – Такой заговор, действительно существует, только возглавляют его Сталин и Ежов, стремящиеся к установлению личной диктатуры, основанной на полицейской власти над партией и страной... Вот почему нас надо уничтожить». И бросил в лицо Сталину: «Политическим терроризмом и пытками невиданного ещё масштаба вы заставили старых членов партии дать «показания»... У вас в распоряжении толпа платных доносчиков. Вам нужна кровь Бухарина и Рыкова, чтобы совершить переворот, который вы давно уже планируете...». Ну как тут меня не расстрелять?

Рыков. Ну, так и расстреляют. Обязательно расстреляют.

Бухарин. Ну, и чёрт с ним (то есть со мной). Повторяю: я – человек, этим режимом обречённый. Ну, так хоть других просветить!

Рыков. Ну, хорошо. Это – первая твоя стратегическая идея поведения на суде. А вторая?

Бухарин. А вот для осуществления второй тут уж мы без товарища Эзопа обойдёмся. На следующем заседании прокурор начнёт развёртывать свиток моих **конкретных** «преступлений». Так вот,

я отвергну все, **абсолютно** все пункты этого свитка. Всё пойдёт прямым, твёрдым и открытым текстом, без всяких намёков и двусмысленностей. Для палачей моих это будет большим сюрпризом. Потому что на предварительном следствии я, как мог, уклонялся от излишней определённости, приберегая этот удар на открытое заседание перед всем миром. Это будет выглядеть ошарашивающим контрастом на фоне беспрекословных признаний всех подсудимых.

Рыков. Ты планируешь подробно, ссылаясь на факты, опровергать каждое конкретное обвинение?

Бухарин. Нет. Просто лаконичным и твёрдым отрицанием. Они же свои обвинения и не стремятся доказывать. Просто: «вот показание такого-то: ты польский шпион. Признаёшь?». И всё. И я также коротко буду отвечать: «Не признаю!». И точка. Вот так и пройдемся по всему свитку. Внимательному читателю будущей стенограммы процесса будет всё ясно.

Рыков. План превосходен. Посмотрим, как это тебе удастся...

(В камеру – для осмотра, всё ли в порядке?) входит высокий лубянский чиновник).

Бухарин. Я извиняюсь, не могли вы сказать пару слов, как там моя жена? Я очень беспокоюсь.

Чиновник. Вы лучше о себе побеспокойтесь. А с женой Вашей всё в порядке.

Бухарин. Спасибо вам за добрую весть.

Кабинет на Лубянке: Берия - Ларина

Берия. Должен сказать вам, Анна Юрьевна, что вы удивительно похорошели с тех пор, как я видел вас в последний раз, когда вы с вашим мужем приезжали к нам на Кавказ.

Ларина. Даже похорошела! В таком случае ещё десять лет тюрьмы, и вы будете иметь возможность послать меня в Париж на конкурс красоты.

Берия (расплывается в улыбке). Что же вы поддывали в лагере, в Томске, кажется?

Ларина. Ассенизатором работала.

Берия. Ассенизатором? Что, для вас другой работы не нашли?

Ларина. А зачем её было искать? Для жены обер-шпиона, обер-предателя и работу выбрали самую подходящую. И что же вас так смутило, Лаврентий Павлович, если вся моя жизнь превращена в большое говно, то в малом не так уж страшно покопаться.

Берия. Ай, ай, как вы неприлично выражаетесь. Это вам не идёт, Анна Юрьевна.

Ларина. Да? Выковыривать ломом замёрзшее на сорокоградусном морозе говно мне идет. А называть говно говном мне «не идёт»? Да, когда-то я была очень романтичной девушкой. И помню, как один галантный кавказский джигит по имени Берия провозглашал тосты в мой адрес: «Выпьем за здоровье этой девочки, пусть живёт она долго и счастливо!»

Берия. Да, многое и многие изменились с тех пор...

Ларина. (пристально посмотрев на собеседника). И я это хорошо вижу.

Берия. Мне передали ваше письмо Ежову. Странное, надо сказать, письмо. (читает): «Четвёртый месяц пошёл с тех пор, как я нахожусь в условиях одиночной камеры, в сыром подвале изолятора гор. Новосибирска. Осуждена на 8 лет заключения в лагерь ещё до суда над Бухариным как «член семьи изменника Родины»... Мне неоднократно грозили расстрелом. В условиях сырого подвала я обречена на медленную смерть. Прошу облегчить мои страдания: легче пережить свою гибель мгновенно, чем погибать постепенно. Расстреляйте меня, я жить не хочу!» Вы, Анна Юрьевна, и в самом деле жить не хотите? В это трудно поверить, вы так молоды, у вас вся жизнь впереди.

Ларина. Я послала это письмо в состоянии полного отчаяния, когда никаких перспектив, кроме медленного умирания не видела. Если не осталось ничего, кроме чудовищного кошмара, если живёшь

точно в кровавом тумане, если убивают всех тех, кого я уважала, если отняли двухлетнего ребёнка, обрекли на умирание в сыром подвальном каземате, если к тому же неоднократно расстреливали...

Берия. Ну, многократно расстреливать невозможно. Расстреливают только один раз.

Ларина. Можно и многократно. Меня не раз пугали расстрелом. И, в конце концов, повели на расстрел после зачитания смертного приговора...

Берия. Ну, вот всё же не расстреляли. Добрые люди вас спасли.

Ларина. «Добрые люди» - это два человека, которых я никогда не забуду. Один – конвоир, паренёк, лет восемнадцати, рыженький, в веснушках, на редкость доброжелательный. Я решила спросить его имя. И он сразу же по-детски ответил: «Ванёк меня зовут». И когда он сопровождал меня, он вёл себя так, что мне казалось, что рядом со мной идёт не охранник, а мой хороший дружок. Помню, как однажды, во время прогулки, я увидела сидящего на снегу, дрожащего от холода котёнка. Я попросила разрешения забрать котёнка в камеру. «А чего ж, - добродушно сказал Ванёк, - бери». Потом купил мне Ванёк в ларьке (пришли мне деньги от матери) банку сливового варенья, булку белого хлеба, кулёк конфет-подушечек, пачку чая, печенье и банку молока. Запомнила это всё, потому что за всё время заключений единственный раз мной была получен денежный перевод. Вот так, вдвоём с котёнком (спасибо Ваньку!) я встретила годовщину Октябрьской революции. А потом - постановление о моём расстреле. «Контрреволюционную нечисть, - сказал сотрудник Сиблага, - надо смести с лица земли». Двое с револьверами вывели меня на дорогу. И вот мы остановились на краю оврага. «Ну, вот, и конец», - подумала я. И вдруг вижу: вдали бежит человек в светлом полушубке, спешит, задыхается. А на расстоянии тридцати-сорока метров от нас – Ванёк. Тот, в полушубке, уже без сил, не может бежать. Кричит: «Ванёк, вертай их назад, вертай назад!». Слово эстафету передал. И рванул Ванёк, что есть мочи. Бежит, кричит и жестами показывает:

«Подожгите, подождите! Назад, назад, назад!». И чудо свершилось – мы повернули обратно.

Берия. Ну, вот, Анна Юрьевна, а вы всё чекистов ругаете. В нашей системе немало порядочных людей.

Ларина. За всё время мне встретились только те двое.

Берия. Ну, вы опять за своё. Да разве только эти двое вас спасли? Они ведь выполняли распоряжение, пришедшее из Москвы. Ну, правда, как говорится, в семье не без урода... А вот Ежов, будь его полная воля, вас, наверняка бы, расстрелял.

Ларина. Ну, и вы же меня расстреляете.

Берия. Всё будет зависеть от вашего дальнейшего поведения. Скажите, Анна Юрьевна, за что вы любили Николая Ивановича?

Ларина. А вы за что?

Берия. Я его любил? Да вы что? Я его терпеть не мог.

Ларина. А вот Ленин, руководитель партии, членом которой были и вы, в своём «Письме к съезду» назвал Бухарина «законным любимцем партии». Стало быть, вы были не согласны с Лениным и были исключением в рядах партии?

Берия. Ну, Ленин писал об этом давно, и напоминать об этом теперь неуместно... А вы, Анна Юрьевна, оказывается, стихи сочиняете:

Он был многими любимый,

Но и знал больших врагов,

Потому что он, гонимый,

Мысли не любил оков.

Ну, понятно, «он» - это ваш Николай Иванович. А на какого его «большого врага» вы тут намекаете?

Ларина. (молчит)

Берия. Или вот ещё:

Черный ворон, злой, коварный,
Сердце, мозг его клевал,
Кровь сочилась алой каплей,
Ворон жил, на всё плевал
Ворон трупами питался,
Раскормился - всё не сыт!
И разнёс он по России
Страх и рабство, гнёт и стыд

Ну, и кто же этот ворон?

Ларина. Ворон он и есть ворон. Это кошмарное, всё повторяющееся видение, мучившее меня в камере, что можно понять из стихотворения.

Берия. Не только так это можно понять... Ну, ладно. Прервём разговор, Анна Юрьевна (подвигает к ней бутерброды, чай и вазу с апельсинами и виноградом. Ларина отказывается). Не будете есть? А я хотел вместе с вами чай попить, поговорить по душам. (Пауза). А вы и теперь продолжаете считать, что Бухарин ваш был предан партии? Он враг народа! Он предатель! Глава право-троцкистского блока!

Ларина. (Закрывает глаза руками, плечи вздрагивают от рыданий).

Берия. Вы всегда такой плаксой были? (подвигает к ней стакан с чаем, Ларина демонстративно его отодвигает). Замечательный чай! Напрасно отказываетесь, Анна Юрьевна. Ваш отец, товарищ Ларин немало усилий предложил для организации производства чая у нас на Кавказе. А это тот самый чай.

(пауза). Ну, хорошо, пора кончать наш сегодняшний разговор. Надеюсь, мы с вами ещё побеседуем. (Подзывает конвоира, тот уводит Ларину. Укладывает фрукты и виноград в пакет. Подзывает ординарца). Отнесите это в камеру Лариной...

*Правая часть сцены погружается в темноту,
Высвечивается – левая, Сократовская.*

(Афинская улочка. Двое – напротив домика с зарешётчатыми окнами - тюрьма Сократа)

1-й афинянин. Пойдём навестим Сократа.

2-й. А пустят?

1-й. Пустят. Да его особо и не охраняют. Так, один стражник, который обожает Сократа. Я там вчера уже побывал.

2-й. Ну, и как он? Это же ужас: приговорили к смерти, и вот он из-за праздника на острове Делос (когда казнить в течение 30 дней запрещается) томится в ожидании казни.

1-й. Да, нет, он, как обычно, абсолютно спокоен и даже весел. Беседует со своими учениками. Они его обожают. (подходят к домику, стражнику). Можно?

Страж. Заходите. Там у него уже Критон с Полемархом. Говорят, говорят, никак наговорится не могут...

1-й. А его любимец Платон?

Страж. Нет, он не приходит. Говорят: без сознания, нервное потрясение после объявления приговора Сократу. Ну, вы помните, как он кинулся на трибуну суда после объявления приговора, но успел только выкрикнуть: « Что вы делаете, граждане афиняне?..». Это было нарушением правил суда. Его грубо сволокли с трибуны, и он потерял сознание. Входите. (Входят).

Сократ. Привет, друзья, рад вас видеть. Садитесь, подключайтесь к нашему разговору.

Критон. Поскольку здесь все свои, хочу вот что тебе предложить, Сократ. У меня в Фессалии (где, как ты знаешь, порядки не такие строгие, как в Афинах) есть дом, слуги. Всё там налажено. Считай мой дом твоим домом. Ты видишь, что тебя очень плохо сторожат. Мне даже кажется, что правители наши очень хотят, чтобы ты убежал в другой полис. Им не очень хочется брать на себя убийство старого, почтенного человека, которого ценят и любят

многие афиняне. А в Фессалию – возьмёшь семью, будешь жить на свободе и продолжать свои беседы к радости твоих учеников.

Полемарх. Ну, что ты предлагаешь, Критон? Сократ же ни за что не побежит. Это же значит не подчиниться афинским законам. А Сократ, во имя нашего государства, всегда был законопослушным гражданином, независимо оттого, хороши или плохи эти законы.

Сократ. Нет, Полемарх, не то ты говоришь. Не по причине законопослушности я не побегу. Тут другое. Законы, принятые правящими нами тиранами меня не остановят. Не считаю нужным им подчиняться. Ты же слышал, как я открыто сказал на суде: «Если вы примите решение, запрещающее мне вести философские беседы с нашими гражданами, я ему не подчинюсь!».

У меня есть Долг, который выше всех ваших законов. И я ему буду следовать, несмотря ни на что.

Критон. Долг? А не является ли твоим, Сократ, долгом забота о семье, о сыновьях, об их благополучии? Не обижайся, дорогой, но скажу тебе прямо: отказываясь спасти свою жизнь бегством, ты предаёшь своих сыновей. Оставляешь их на произвол судьбы, между тем как мог бы и прокормить, и воспитать их. И твоя это вина, если они будут жить, как придется; придется же им испытать то самое, что выпадает обыкновенно сиротам на их сиротскую долю. И вот, что ещё я тебе скажу: Или не нужно заводить детей, или уж нести все заботы о них – кормить и воспитывать, а ты, мне кажется, выбрал самое легкое; следует же тебе выбирать то, что выбирает человек добросовестный и мужественный, особенно, если говорил, что всю жизнь заботился о добродетели.

Сократ. Вот, оказывается, как: я «самое легкое» выбрал – казнь смертную, я вот такой не-мужественный и не-добросовестный – не размазал слюни по лицу, изворачиваясь перед судьями, такой вот гордец: не бухнулся перед ними на колени – о, да, ради них, детей, жены... О-о-о!.. М-да, по самому больному месту ударяешь ты меня, мой друг Критон.

Моя бедная, несчастная моя жена. В самом деле, что она получила от жизни со мной? Нищету и унижения. Идеи мои, мысли мои? Ну, что они ей? Она – земной человек. Она – прекрасный и нормальный, во всех отношениях, человек. Она хотела жить «как все», как другие: обеспеченная семья, ухоженные дети, получающие хорошую, земную, профессию... Я ничего этого ей не дал. Я не мог, мой милый, мой дорогой Критон, я не мог всего этого ей дать. Ну, ведь, для меня мой образ жизни – не чудачество, не блажь, а единственно возможный способ существования. От другого – я бы или повесился, или сошел бы с ума.

Критон. Тогда, Сократ, нечего жениться, нечего заводить детей

Сократ. Не знаю, может быть. Но кто же, женясь, может предвидеть, что более чем нормальная жизнь, т.е. жизнь по правилам справедливости и нравственности, окажется столь несчастной и трагической... Но как бы там ни было, я – объективно – очень виноват перед ней. Я-то жил счастливо (как это ни покажется кому-то странным), ибо – в полном соответствии со своими желаниями и идеалами. А она? Она-то – другая. Я втянул её в чуждую ей жизненную колею. Она, а не я, - на самом деле жертва. И – не «судьбы», не «обстоятельств», а исключительно – моей недалёковидности. Но когда я увидел, когда понял это – задолго до суда! – исправить что-либо было уже невозможно. Не бросать же жену и детей.

Да, и дети... Да, рано. Рано приходится умирать, Критон. Детей бы хоть немного поставить на ноги, тогда бы уж – и в вечный сон. Но опять: как это «на ноги»? Отказаться от моего образа жизни? Не могу! Не «не хочу», а просто НЕ МОГУ - это отказаться от жизни... Но есть, Критон, и еще одна грань во всей этой истории. Ты, вот, говоришь, что я должен жить, чтобы детей «воспитывать». А что, я разве их не «воспитывал» всем своим образом жизни, разве я не учил их добродетели, разве я им – не словами, не болтовнёй – а делом, делом всей своей жизни не показывал, что такое «справедливость», «честность», «порядочность», «долг»? И разве не это – главное в «воспитании»? А что, разве своим

поведением на суде я не продолжил их «воспитание», разве, черт тебя побери, Критон, смертью своей я их не «воспитываю»? Разве они получили бы лучший урок «воспитания»- видя, как их отец, спасая свою шкуру, предаёт всё, чему он их учил верить и поклоняться? И ты знаешь, когда Ксантипа с детьми уходила от меня по тропинке в сгущающуюся тьму афинского вечера, я, стоя на пороге моей тюрьмы и глядя им вслед на их согнутые, горем придавленные спины, на их горестно опущенные руки – веришь ли, разрыдался. И рыдал долго и безутешно, как рыдают только в детстве.

Полемарх. Я понимаю тебя, Сократ. Но ты же мог иначе, не столь вызывающе вести себя на суде – и тем избежал бы смертного приговора. Ну, к примеру, зачем ты отказался зачитать блестящую защитную речь, специально подготовленную для тебя Лисием, в которой он, как дважды два, доказывал твою невиновность. Ведь этот великий адвокат не проиграл в судах ни одного дела!

Сократ. Ох, уж эта история с Лисием! «Я бы выиграл твоё дело», - говорил он мне после суда. Да, может, и выиграл бы, но «выиграл» бы на свой лад. Да, поймите же вы, мои дорогие друзья, мне же не всякий «выигрыш» нужен, и уж во всяком случае – не «любой ценой». А если бы к тому же и не выиграл? А такой исход был бы вполне возможен: Анит с Мелетом подсуетились – многих афинян привлекли на свою сторону, кого – сплетней и клеветой, кого – деньгами. И вот, представляешь, зачитал бы я угодническую, заискивающую перед судьями речь Лисия и – получил бы тот же приговор! Остался бы в истории дураком. Полным! Да, и не остался бы тогда в ней – какой смысл истории сохранять память о глупцах!

Нет, Полемарх, тут нельзя было рисковать. Я отдавал себе отчет, что, скорее всего, это мои последние речи в жизни. Это, если хочешь, мое Завещание – вам, друзьям моим, моему любимому и прекрасному отечеству, да и (не сочти за нескромность) – человечеству, нынешнему и будущему. И вот вместо моего Завещания оставить текст Лисия?.. Глупее не придумаешь!...

Да, и потом: упустить такую потрясающую возможность обнародования моего Завещания – при таком стечении народа!

Вам ли, друзья, мне объяснять, в каких условиях вел я свои философские беседы в течение всей своей жизни. Пять, шесть, максимум десять, человек – вот и вся обычная моя «аудитория», да, между делом – на базаре, у меняльной лавки, посреди шума, гама, суеты мирской: один подходит, другой уходит. Какое уж тут особое философствование! А слушателей-то этих как я заманивал – и смешно, и жалко. Я вот вам расскажу о своей первой встрече с моим любимцем Платоном.

... Был жаркий и пыльный, типично афинский летний день. Он со своим слугой и корзинками, сосредоточенно шагал к рынку – закупать, видимо, продукты для вечерней пирушки.

Да, замечу, что накануне мне приснился удивительный сон. Необыкновенный, осиянный солнечными лучами день (какие только в снах и бывают!). Я лежу на каком-то бархатно-зеленом травяном пригорке, и на груди у меня – о, чудо! - ослепительно белый, молодой, необыкновенной красоты и грации лебедь. И вдруг мягкий и плавный взмах крыльев – и с дивным криком он взлетает и плывет – туда, вверх, в бездонную синеву неба, и парит там, где только он, небесная синь и сверкающее солнце.

И мне показалось, что я разгадал этот символ. Лебедь, взлетающий с моей груди, - это Платон, о таланте которого мне много довелось слышать и с которым очень хотел встретиться.

После этого сна и встретил его, спешащего на базар. Мне захотелось остановить его, вырвать из состояния его базарно-хозяйственной сосредоточенности, чем-то отвлечь и увлечь его. И я его спросил: «Скажи мне, где можно достать масло и сыр?». «На базаре», - рассеянно-небрежно ответил он.

«А добродетель?» - неожиданно для него спросил я.

Вы знаете, друзья, когда я с подобными вопросами обращался к другим людям, реакция бывала разная: один – посмотрит на меня и рассмеется (ну, ты, дескать, и шутник, дед, славно дурака валяешь)

и ... пойдет дальше; другой – с недоумением и опаской: странный, ненормальный старик; третий – со злобой: отвяжись ты, старик, со своей ерундой, мне надо успеть важные вещи сделать - то купить, это, отвяжись, а не то – смотри у меня... А Платон – остановился и, без улыбки, без усмешки, без раздражения, очень внимательно и очень серьезно посмотрел на меня; сколько мы так молча смотрели друг на друга – не знаю, думаю – очень долго. А потом я сказал: «Пойдем покажу, где можно достать добродетель...».

Платон отослал слугу домой и пошел за мной, мой прекрасный, мой ослепительно белый Лебедь...

Полемарх. Да, знаем, Сократ, как ты можешь заманивать, а, вернее, увлекать людей. Запутываемся в твоих сетях как мухи в паутине. А вот вырываться не хочется, потому что чувствуешь, как переливается к тебе твоя мудрость. Но всё же закончи рассказ насчёт отказа от речи Лисия.

Сократ. Хорошо. Знаешь, Полемарх, что самое страшное для мыслящего, творческого человека? Не преследование за идеи, не публичное и громкое поношение. Нет, это – нормально, это – борьба, и ты должен отдавать себе ясный отчет, что новый, нестандартный, необычный взгляд на мир обязательно встретит сопротивление поклонников традиций, коих, поначалу, естественно, большинство. Самое страшное – это **заговор молчания вокруг тебя**. Когда сказанное тобой слово гаснет в пустоте, утопает в песке безгласия. Ты криком кричишь, а слово не летит, не передается дальше, а – падает возле, рядом, без эха, без отклика. Ты словно замурован, ты словно под колпаком, из-под которого выкачен воздух. А тебе есть что сказать людям, и ты должен это сказать. И дело тут даже не столько в трагедии твоей личной нереализованности (хотя, что ж тут скрывать, и это – штука мучительная), сколько в понимании того, что не может успешно развиваться и процветать общество, в котором мыслящие, болеющие за судьбу Отечества люди живут либо с кляпом во рту, либо в изгнании. В общем, Полемарх, у меня всю жизнь не было ни арены, ни трибуны, где я мог бы обращаться к людям. И вот,

понимаешь, подарок судьбы: я – впервые в жизни – могу выступить перед громадной аудиторией своих сограждан – полтысячи судей и ещё вокруг сотни, а то и тысячи «зевак», пришедших послушать, как будут судить Сократа. Более того, я получаю возможность выступить в условиях, когда они, эти полтысячи судей, **обязаны** меня выслушать, **обязаны** вникнуть в то, что я говорю. Ибо им надо не просто поаплодировать после «спектакля», но пошевелить мозгами, чтобы вынести обоснованный приговор. И пошевелить мозгами – очень серьёзно и очень основательно – ибо речь-то идет о **смертном** приговоре, вещи очень серьёзной и очень основательной.

В общем, это как раз тот редкий (в моей жизни – единственный!) момент, когда, по сути дела, все Афины будут слушать тебя самым внимательным, самым основательным образом. Вот почему, друзья, я и отказался от чуждой мне по интонации речи Лисия. И «внутренний голос» одобрил это моё решение.

И когда я стоял на помосте перед враждебным собранием, я помнил о том опыте. Для меня, в отличие от Критона и Лисия, «победить» – означало не спасти жизнь путем уклонения от сражения, а – ясно и громко сказать во всеуслышание: «Афиняне, опомнитесь! Мы – на краю катастрофы. Идеалы, формы деятельности Анитов означают гибель нашего Отечества, гибель всей греческой цивилизации. Опомнитесь, афиняне!»

Критон. Ну, я понял, Сократ, твою высокую философию. И всё же ты не ответил до конца на мой, может быть, не слишком «высоко-философский» вопрос: почему всё-таки отказываешься от моего предложения перебраться из афинской тюрьмы в свободную Фессалию.

Сократ. Ну, ты опять о своём. Да, пойми же, мой молодой друг. Чего я хочу, какова моя цель? Разбудить людей, перенести их внимание и заботы с Тела на Душу. Я должен отстоять свой главный тезис: существует нечто, что выше жизни Тела. Я это продемонстрировал на суде. И 140 человек (возразивших против

смертного мне приговора), несмотря на все мои резкости, проснулись и пошли за мной.

И вот теперь я побегу спасать своё Тело?

Ты представляешь, как восторжествуют эти афинские телофилы: ага, всё-таки он не выдержал, сдался, всё-таки Тело поставил выше Души! И что будет с теми, проснувшимися? Да, они снова немедленно уснут. Их бодрствование не будет подпитывать моя стойкость и моя судьба.

А когда я стойкостью, смертью своей подтвержу мои принципы – не откроются ли глаза у следующей сотни?

И потом. Ты заговорщически шепчешь мне, что убежать легко – что меня охраняют плохо, совсем почти не следят за тем, кто ко мне приходит и что я делаю. Чудак! Не понимаешь, что это – намеренно. Они чуть ли не коврик передо мной расстилают – только беги! Им очень хочется, чтобы я «убежал» – ведь, тогда станет правдой основной тезис их обвинения – моего будто бы презрительного отношения к Афинам, к народу, их населяющему.

Ведь, обвинители мои представляли дело так, что на суде идет борьба тех, кто «любит этот город» (это – они!) с тем, кому этот город и эта земля безразличны, с тем, кто делает всё для того, чтобы погубить наш полис, - в частности, посредством «развращения молодёжи» и «уничтожения наших духовных традиций» (это – я!). В общем, «любящие свой город» против «ненавидящего» его.

Но послушай их повнимательней – как они с каким-то надрывом, прямо-таки со слезой в горле вопиют о своей бесконечной любви к «земле предков», к её истории и традициям. Прислушайся – и ты услышишь, как сквозь эти все их сентиментальные всхлипы и вопли то и дело прорывается нечто похожее на рычание – звуки какой-то лютой злобы, какой-то неизбывной ненависти к тем, кто смеет любить свой город иначе, чем они, к тем, кто, на их манер, не орёт истошно на каждом перекрёстке о своей безмерной любви к своему родному отечеству.

Нет, Критон, я этим духовным насильникам не отдам мою милую Грецию. Они-то всё про военное могущество да про «славу оружия» вопиют – там мы этих поколотили, там – тех, и все «нас боялись» - и персы, и Спарта.

Мы с ними, Критон, никогда не сойдемся. Ибо для меня моя родина – это, прежде всего, песни и стихи Гомера, которые над моей колыбелью пела и сказывала моя мать, это искания Фалеса и Анаксагора, это шум и суета Афинских пристаней, это наше море и наше солнце, это те юноши, с которыми я веду долгие вечерние беседы – о благе, о справедливости, о смысле жизни. Да и восхищение военным геройством предков не чуждо мне. Я знаю каждую подробность саламинского боя, схватки при Марафоне, битвы при Платеях. И имена Фемистокла, Аристида, Эфиальта, Перикла – для меня священны. Да и сам я, как ты знаешь, был не последним на полях сражений. Но моя любовь не слепа. Я знаю, я ясно вижу и отвратительные страницы истории нашего с тобой города. Да, мы победили персов, мы спасли нашу культуру от наводнения варварства, но сами стали почти как персы. Да иногда и хуже, страшнее персов – когда своих союзников, помогавших нам защититься от восточного нашествия, стали пригибать к земле, силой навязывая им свой образ жизни, свой тип правления, превращая их в данников, по сути – в рабов. И я восхищаюсь теми, кто давал достойный отпор позорным действиям нашего с тобой, Критон, города.

Я восхищаюсь Мильтиадом на Марафонском поле и проклинаяю его жестокости в отношении жителей Пароса, которых наши с тобой соотечественники хотели (и, слава богу, безуспешно) поставить на колени. Я презираю Алкивиада и всю эту поддержавшую его горячую, воинственную публику нашего города, затеявшую авантюру вторжения на Сиракузы. И не забыть мне, как травили и изводили лучших людей нашего города – Аристида, Анаксагора, Фемистокла (Перикла – даже!).

А они-то, они-то, все эти Мелеты-Аниты и их покровители, особенно ценят в нашей истории эту игру мускулами и требуют

любить, в первую очередь, именно это. И попробуй только не полюбить на их манер – живо голову оторвут. Такие вот они, эти сладкоголосые певцы «любви» к «земле предков».

Да ладно бы ещё действительно любили свой город и своих сограждан, ну, пусть с перебором, с преувеличением. Так нет, болтовня всё это, ложь и лицемерие. Не город они любят, а своё **господство** в нем. Лицемеры и казнокрады, вытягивают все жилы, все жизненные соки из «города» – под грохот своей «безмерной любви» к земле предков...

Нет, Критон, не побегу! Ни за что!

(левая часть сцены гаснет, высвечивается правая. Колонный зал)

Колонный зал. Сцена.

(Всё погружено в полутьму. Высвечиваются только:

Бухарин, Вышинский, вызываемые Вышинским «свидетели» и ещё - немного в стороне – столик, за которым сидит Историк (вроде пушкинского Пимена). Историк – из более позднего времени (из периода, скажем, горбачёвской перестройки), он следит за происходящем на сцене – как бы читает стенограмму процесса и иногда комментирует).

Вышинский. А в 1918 году вы не были сторонником убийства руководителей нашей партии и правительства?

Бухарин. Нет, не был.

Вышинский. А насчет убийства товарищей Сталина, Ленина и Свердлова?

Бухарин. Ни в коем случае.

Вышинский Яковлева показывает, что у вас в 1918 году была установка и план ареста и убийства товарищей Ленина, Сталина и Свердлова. Карелин показывает то же самое, Осинский показывает то же самое, Манцев показывает то же самое. Я вас спрашиваю, - кто вам дал задание подготовить это преступление, какая разведка дала?

Бухарин. Я отрицаю вообще этот факт.

Вышинский. Вы должны чем-то объяснить то, что против вас говорят три человека ваших бывших сообщников.

Бухарин. Видите ли, у меня нет ни достаточных материальных, ни психологических данных, чтобы выяснить этот вопрос.

Вышинский. Не можете объяснить?

Бухарин. Не могу, а просто отказываюсь объяснить. *(Рыкову, тихо) : Я «отказался» объяснять – иначе мне тут же заткнули бы рот; но мой намёк был, конечно, прозрачен: всем участникам по обе стороны процесса хорошо известно, - как выбиваются «показания», с использованием методов, о которых писал Сталин: «ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь... в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод».*

Вышинский (обращаясь к Бухарину). ...вы знаете Карелина?

Бухарин. Знаю. Мы же на очной ставке у вас были.

Вышинский. Вы его и до очной ставки видели?

Бухарин. Знал в 1918 и 1919 годах.

Вышинский. Этот Карелин здесь стоит в качестве свидетеля?

Бухарин. То есть он настолько изменился, что я не сказал бы, что это тот Карелин, но, очевидно, этот Карелин есть развитие того Карелина, который был тогда.

Вышинский. Каждый человек изменяется с годами... И я спрашиваю вас, действительно ли вы узнаете в этом свидетеле Карелина Владимира Александровича, бывшего члена ЦК эсеров? Вы помните его?

Бухарин. Мне трудно было узнать его у вас, но после того, как я увидел его у вас, я узнаю в нем то же самое лицо и никакого сомнения нет.

Вышинский. Это серьезный вопрос. Вы напрасно шутовство затеваете.

Бухарин. Я вовсе не в шутку это сказал. (*Рыкву: Какие тут шутки:*

я, действительно, «с трудом» узнавал Карелина – видно, над ним хорошо поработали ежовские следователи!)

Вышинский. Имело ли какое-нибудь отношение к плану убийства Ленина, Сталина и Свердлова покушение на Владимира Ильича Ленина эсеровской террористкой Каплан 30 августа 1918 года?

Карелин. Да...

Вышинский. Значит, ЦК партии "левых" эсеров был в курсе подготавливавшегося убийства товарища Ленина?

Карелин. Да.

Вышинский. А Бухарин при чем тут?

Карелин. Бухарин, по сообщению Прошьяна, ведшего с ним переговоры, форсировал вопрос о совершении террористического акта...

Вышинский. Оставим в покое покойного Прошьяна... А вот на предварительном следствии вы, а не Прошьян, говорили, что двадцать лет скрывался от советского народа тот факт, что вы совместно с правыми эсерами, по настоянию Бухарина (подчёркиваю: «по настоянию Бухарина»), пытались убить Ленина. Вы это подтверждаете?

Карелин. Я подтверждаю, что настояние со стороны Бухарина как лидера группы "левых коммунистов" было. Эти настояния играли очень большую роль при осуществлении всего этого преступления.

Вышинский.... Что вы скажете, обвиняемый Бухарин?

Бухарин. Я скажу, что все это неправда.

Вышинский. План убийства Владимира Ильича был?

Бухарин. Отрицаю.

Вышинский. И конкретное отношение к преступлению Каплан отрицаете?

Бухарин. Абсолютно.

Вышинский. Но у нас есть показания Карелина. И таким образом участие Бухарина в покушении Каплан ПОЛНОСТЬЮ доказано! (Аплодисменты зала).

(Историк. «Карелин Владимир Александрович. Был арестован 26 сентября 1937 года, в марте 1938 года привлекался в качестве свидетеля на процессе «Правотроцкистского антисоветского блока». Дал показания о существовавшем сговоре в 1918 году Н. И. Бухарина (как лидера левых коммунистов) с лидерами левых эсеров с целью захвата власти. 22 сентября 1938 года Карелин был приговорён Военной Коллегией Верховного Суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Реабилитирован в 1993 году».)

Вышинский. Показаниями Ягоды Бухарин ПОЛНОСТЬЮ изобличён в организации убийств Кирова, Менжинского, Куйбышева, Горького, Максима Пешкова. Повторяю: полностью изобличён! (Аплодисменты зала)

Вышинский. Наконец, о задуманном преступниками-убийцами террористическом акте против Николая Ивановича Ежова. Это убийство, как показал тот же Ягода, было задумано довольно тонко - при помощи отравления воздуха, которым должен был дышать в своем служебном кабинете Николай Иванович Ежов, отравления воздуха ртутью, растворенной в кислоте.

(Историк: Генрих Ягода. По его инициативе появился ГУЛАГ, на его счету десятки политических и экономических преступлений, включая массовые репрессии, жестокое раскулачивание крестьян, громкие судебные процессы над политическими осужденными. В 1937 году советское руководство снимает его с занимаемого поста и исключает из рядов ВКП(б). Ему предъявляют массу обвинений, начиная с антигосударственных преступлений, включая организацию заговора против НКВД, и заканчивая подготовкой

покушения на Сталина. 13 марта был вынесен приговор к расстрелу и уже 15 марта его привели в исполнение. **Признан не подлежащим реабилитации.**

*(Историк: Ежов. На посту наркома внутренних дел, действуя под руководством Сталина, Ежов стал одним из главных организаторов массовых репрессий 1937—1938 годов, известных как Большой террор. 1937 год, на всём протяжении которого Ежов возглавлял НКВД, стал символическим обозначением репрессий, а сам период, на которые пришёлся пик репрессий советского времени, получил название «ежовщина». В 1939 году арестован, а спустя год расстрелян по обвинению в «подготовке антисоветского государственного переворота». **Признан не подлежащим реабилитации.**)*

Бухарин. Я категорически отрицаю, что был связан с иностранными разведками, что они были хозяевами надо мной и что я действовал, выполняя их волю...

Вышинский. А в Америке с полицией связаны не были?

Бухарин. Никак абсолютно.

Вышинский. Из Америки в Россию вы ехали через...

Бухарин. Через Японию.

Вышинский. Долго там пробыли?

Бухарин. Неделю.

Вышинский. За эту неделю вас не завербовали?

Бухарин. Если вам угодно задавать такие вопросы...

Вышинский. Я имею право на основании Уголовно-процессуального кодекса задавать такие вопросы.

(Из зала выкрики: Ясно - в Японии «завербовали»!) (Аплодисменты зала)

Вышинский. Вы в Австрии жили?

Бухарин. Жил.

Вышинский. Долго?

Бухарин. 1912-1913 годы.

Вышинский. У вас связи с австрийской полицией не было?

Бухарин. Не было...

Бухарин. Связь с австрийской полицией заключалась в том, что я сидел в крепости в Австрии.

Вышинский. Обвиняемый Шарангович, вы были польским шпионом, хотя и сидели в тюрьме?

Шарангович (*угодливо*). Был, хотя и сидел.

Бухарин. Я сидел в шведской тюрьме, дважды сидел в российской тюрьме, в германской тюрьме.

Вышинский. То, что вы сидели в тюрьме, не служит свидетельством того, что вы не могли быть шпионом.

(Из зала. Ясно: Бухарин – австрийский и шведский шпион! Доказано!). Аплодисменты!

Вышинский. Вам незачем делать постное лицо, подсудимый Бухарин, и нужно признаться в том, что есть. А есть вот что: у вас имелась группа ваших сообщников, заговорщиков в Белоруссии, возглавляемая Голодедом, Червяковым, Шаранговичем. Правильно, Шарангович?

Шарангович (*всё время – угодливо*). Правильно.

Вышинский. И по директиве Бухарина и Рыкова под их руководством вы связались с польской разведкой и польским генштабом? Правильно, Шарангович?

Шарангович. Совершенно правильно.

Вышинский. И относительно шпионской связи - под вашим руководством. Правильно, Шарангович?

Шарангович. Совершенно правильно.

Вышинский. Кто был организатором шпионажа, которым вы занимались?

Шарангович. Рыков, Бухарин.

Вышинский. Значит, они были шпионами?

Шарангович. Совершенно правильно.

Вышинский. Так же как...

Шарангович. Как и я сам. Я не собираюсь защищать себя. Я совершил мерзкие, подлые, тяжкие преступления перед страной и народом и хорошо понимаю, что должен нести полную ответственность за них перед пролетарским судом. Я изменил своей родине и как предатель не заслуживаю никакой пощады. На протяжении долгого периода, начиная с 1921 года, я являюсь польским шпионом и проводил шпионскую деятельность в пользу польских разведывательных органов. Я был одним из руководителей национал-фашистской организации в Белоруссии, которая вела борьбу против Советской власти, которая вела борьбу за свержение существующего советского строя в стране. **Руководствуясь прямыми директивами "право-троцкистского блока", Рыкова и Бухарина персонально,** мы шли по пути организации физического уничтожения руководителей партии и правительства. Я не хочу останавливаться на всей ...подлой предательской деятельности... сидящих на скамье подсудимых наших руководителей (Бухарина, Рыкова, в первую очередь), из которых некоторые, вместо того, чтобы искренно признать свои гнусные кровавые изменнические преступления, стараются при помощи теоретических фраз спрятаться за спины своих сообщников, стараются уйти от ответа перед пролетарским судом. Я думаю, что суд разберется и вынесет свой справедливый приговор. Я в этом глубоко убежден.

(Из зала: Всё ясно: Бухарин – польский шпион!). Аплодисменты!

Бухарин. Здесь прошло показание относительно **шпионажа** – Шаранговича. Это - **провокатор**. Я впервые из обвинительного заключения узнал фамилию Шаранговича и впервые увидел его на суде.

Шарангович. Бросьте врать, хоть один раз в жизни. Врете вы и сейчас на суде.

Председательствующий. Подсудимый Шарангович, не мешайте.

Шарангович. Я не мог выдержать...

(Историк: Шарангович Василий Фомич. С марта 1937 года 1-й секретарь ЦК КП(б) Беларуси. Руководил развёртыванием в республике кампании массовых репрессий. Его слова: «В связи с сообщением прокуратуры Союза относительно изменников и предателей Родины, о которых вы уже читали в газете, ... есть предложение вынести решение о том, чтобы требовать от суда применения высшей меры наказания (аплудисменты) — расстрела (долгие аплодисменты)». «Мы должны уничтожить до конца остатки японо-немецких и польских шпионов и диверсантов, остатки троцкистско-бухаринской банды и националистической падали, раздавить и стереть их в порошок, как бы они ни маскировались, в какую бы нору они ни прятались». 17 июля 1937 г. В. Ф. Шарангович был арестован. В качестве обвиняемого привлекался к процессу по делу «Правотроцкистского антисоветского блока». 4 марта состоялся допрос подсудимого Шаранговича, в ходе которого он полностью признал свою вину, в том числе в террористическом акте в 1936 году против Ворошилова, когда он приезжал в Белоруссию на маневры. Осуждён 13.03.1938. Расстрелян 15.03.1938 на Коммунарке.)

Бухарин. О моих сторонниках – о так называемых «Левых коммунистах», которых здесь называют врагами советской власти (и с чем соглашается свидетельница, бывшая «левая коммунистка» Яковлева) . Я хочу спросить, знает ли она, что к "левым коммунистам" принадлежали такие сталинцы, как Куйбышев, Менжинский и Ярославский? Они, что, тоже враги советской власти?

Вышинский. Я прошу отвести этот вопрос, как не относящийся к делу.

Председательствующий. Можете на этот вопрос не отвечать, как не относящийся к делу.

Бухарин. Тогда я прошу гражданина Председательствующего разъяснить мне, имею ли я право задавать те вопросы, какие я хочу, или же мои вопросы определяет гражданин Прокурор?

Председательствующий. Подсудимый Бухарин, Яковлева была вызвана сюда для того, чтобы давать показания о вашей антисоветской деятельности, **Бухарин.** Совершенно верно, но я спрашиваю разъяснения гражданина Председательствующего, имею ли я право задавать те вопросы, которые я считаю нужным задавать, или их характер определяет кто-то другой, в частности, гражданин Прокурор. Тогда я, конечно, не могу задавать вопросы.

Вышинский. В 1930-1931 годах были у вас разговоры с Рыковым и Томским?

Бухарин. Я не помню этого.

Вышинский. Вот Рыков показывает о том, что такие разговоры были. Я вас спрашиваю - были такие разговоры или не были. Да или нет?

Бухарин. А я говорю - не помню. Я имею право говорить суду не так, как вы хотите, а так, как есть на самом деле.

Ульрих. Хватит заниматься цирковой акробатикой. Я вижу, вы хотите придать процессу свой, особый смысл. Так вот: я вас предупреждаю, что лишу слова, если не прекратите придерживаться этой своей тактики... прикрываться потоком слов, крючкотворствовать, отступать в область политики, философии, теории и т.д.».

Вышинский. Скажите прямо: вы считали себя идеологом?

Бухарин. Да, идеологом контрреволюционного переворота. Вам, конечно, предпочтительнее сказать, что я считал себя шпионом, но я им себя не считал и не считаю.

Вышинский. Это было бы правильнее всего.

Бухарин. Это ваше мнение, а мое мнение другое.

Вышинский. Посмотрим, какое будет мнение суда.

(Историк. Существует два разных «мнения» двух Верховных Судов СССР

(от 12 марта 1938 г. и от 4 февраля 1988 г.) Зачитывает:

«Мнение» первое. Из приговора Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу «антисоветского право-троцкистского блока». 12 марта 1938 г. Подсудимые Бухарин, Рыков... являясь непримиримыми врагами Советской власти, в 1932—1933 гг. по заданию разведок враждебных к СССР иностранных государств организовали заговорщическую группу под названием «право-троцкистский блок. «Право-троцкистский блок» поставил своей целью свержение существующего в СССР социалистического общественного и государственного строя, восстановление в СССР капитализма и власти буржуазии путем диверсионно-вредительской, террористической, шпионско-изменнической деятельности, направленной на подрыв экономической и оборонной мощи Советского Союза и содействие иностранным агрессорам в поражении и расчленении СССР.

Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР приговорила: **Бухарина Николая Ивановича, Рыкова Алексея Ивановича... к высшей мере уголовного наказания — расстрелу, с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества.**

Председательствующий: Председатель Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССРВ. Ульрих

«Мнение» второе. Из Постановления Пленума Верховного суда СССР от 4 февраля 1988 г.

Пленум Верховного Суда СССР приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР от 13 марта 1938 г. в отношении Бухарина Николая Ивановича, Рыкова Алексея Ивановича... **отменил и дело прекратил за отсутствием в их действиях состава преступления»).**

Ульрих, Секретарь ЦК.

Ульрих. Вот письмо, которое Бухарин просил передать на самый верх.

Секретарь ЦК. Что в нём? Прочитай.

Ульрих. (читает):

«Когда иногда по ночам (очень часто) я вспоминаю, в чем меня обвиняют, я дрожу от бешеного негодования, и безумной тоски, и ярости по отношению к мерзавцам и лжецам, которые всех вас убедили в своей лжи, лжи подлой, бесчеловечной, не знающей никаких границ. Мне поэтому нечего сказать здесь, кроме слов возмущения. Это было и это будет всегда и при всех условиях... Изменя нечего выжимать: и на воле, и в тюрьме, и где угодно, я буду только негодовать, когда мне будут задавать такие вопросы, ибо нет ничего более лживого, как эти обвинения, ничего более омерзительно-противного и противоречащего всей моей жизни и всему моему существу... Это вовсе не значит, что я не понимаю серьезности своего положения. Я отлично знаю, что со мной можно сделать теперь решительно все, что угодно (и “технически” и политически). Но на этих пунктах у меня собираются моментально для протеста все силы души, и я ни при каких условиях не пойду на такую подлость, чтобы клеветать на самого себя из страха или из других аналогичных мотивов. **Сократ отказался признать правильность обвинения и только поэтому должен был выпить чашу с цикутой... По-моему, он поступил правильно, Сократ...**

Секретарь ЦК. Всё по Сократу равняется...

Ульрих. (продолжает читать):

«Я не лезу в Сократы..., но никакими средствами нельзя заставить меня совершить позорное клеветничество против самого себя. Пусть вы все, и ты в частности, мне сейчас здесь не верите; пусть на меня клеветают дальше; пусть вы думаете теперь, что я играю в театр, хотя и рискованный. Но я-то знаю, что я прав. И я-то смею надеяться, что когда-нибудь – через год, два, не знаю когда – треснет медная оболочка лжи, и весь этот “общезначимый” “социально-организованный опыт” распадется. Только для этого, б.м., стоило оставаться жить и работать». И ещё. Прошу заменить мне расстрел тем, что я сам выпью в камере яд. Политически это ничему не мешает, да никто этого и знать не будет. В общем,

прошу о возможности провести последние секунды жизни так, как я хочу». Что скажете?

Секретарь ЦК. Письмо передам. Обещать можете, что угодно...

На следующий день

Бухарин. (Одному из членов президиума суда). Прошу вас передать эту записку Ульриху.

Судья (настороженно, не решается взять). А что в ней?

Бухарин. Да вы не волнуйтесь. Речь идёт о невинной просьбе. Некоторое время тому назад я передал Ульриху записку с одной просьбой, и, как я понял, он намекнул, что мою просьбу могут удовлетворить. Я хочу убедиться в этом. Да вот я прочту вам, что я тут написал: « Я не упаду духом. Но помните о чаше. Вы это мне обещали, и я крепко надеюсь, что вы меня здесь не обманете. Для меня это важно. Я психологически созрел к такому концу. А всё повышающаяся атмосфера на процессе ещё более подготовит к тому, чтобы устало-равнодушно посмотреть и на конец оборвавшейся жизни. Я верю вам, что вы эту мою просьбу исполните, и прошу вас не доставлять мне лишнего огромного огорчения и не разочаровывать меня в моей глубокой вере в то, что тут у меня вера моя прочна.

Судья. А о какой это «чаше» идёт речь?

Бухарин. (смущённо). Ну, Ульрих это знает. О «чаше Сократа».

Судья (берёт записку, уходит).

Затемняется правая часть, высвечивается левая

(Оба приняли смерть с невероятным достоинством)

Афины, 399 год до н.э.

Эхекрат. Скажи, Федон, ты сам был подле Сократа в тот день, когда он выпил яд в тюрьме, или только слышал обо всём от кого-нибудь ещё?

Федон. Нет, сам, Эхекрат.

Эхекрат. Что же он говорил перед смертью? И как встретил кончину?

Федон. Ну, пора мне, пожалуй, и мыться, сказал Сократ, я думаю, лучше выпить яд после мытья и избавить женщин от лишних хлопот - не надо будет обмывать мертвое тело.

Когда Сократ помылся, к нему привели сыновей – у него было двое маленьких и один побольше; пришли и родственницы, и Сократ сказал женщинам несколько слов в присутствии Критона и о чём-то распорядился, а потом велел женщинам с детьми возвращаться домой, а сам снова вышел к нам.

Было уже близко к закату... Появился прислужник и, ставши против Сократа, сказал: «Сократ, мне, видно, не придётся жаловаться на тебя, как обычно на других, которые бушуют и проклинаят меня, когда я по приказу властей объявляю им, что пора пить яд. Я уж и раньше за это время убедился, что ты самый благородный, самый смирный и самый лучший из людей, какие когда-нибудь сюда попадали. И теперь я уверен, что ты не гневаешься на меня. Ведь ты знаешь виновников и на них, конечно, и гневаешься. Ясное дело, тебе уже понятно, с какой вестью я к тебе пришел. Итак, прощай и постарайся как можно легче перенести неизбежное». Тут он заплакал и повернулся к выходу. Сократ взглянул на него и промолвил: «Прощай и ты. А мы всё исполним как надо». Потом, обратившись к нам, продолжал: «Какой обходительный человек! Он всё это время навещал меня, а иногда и беседовал со мною, просто замечательный человек! Вот и теперь, как искренне он меня оплакивает. Однако ж, Критон, послушаемся его – пусть принесут яд»...

Тогда Критон кивнул рабу, стоявшему неподалеку. Раб удалился, и его не было довольно долго: потом он вернулся, а вместе с ним вошёл человек, который держал в руке чашу со стертым ядом, чтобы поднести Сократу. Увидев этого человека, Сократ сказал: «Вот и прекрасно, любезный. Ты со всем этим знаком – что же мне делать?». «Да ничего, - отвечал тот, - просто выпей и ходи до тех

пор, пока не появится тяжесть в ногах, а тогда ляг. Оно подействует само».

С этими словами он протянул Сократу чашу. И Сократ взял её с полным спокойствием – не задрожал, не побледнел, не изменился в лице. Он поднёс чашу к губам и выпил до дна – спокойно и легко».

Затемняется правая часть и вновь высвечивается левая

Подвальное помещение (на бывшей даче Ягоды на Калуж. шоссе).

Две комнаты:

В одной - расстрельная команда во главе с Ежовым (и ещё трое - Фриновский, Дагин и Литвин).

В другой (на стульях – ожидающие расстрела: Бухарин, Рыков Ягода, Шарангович)

И третья комната (за сценой) – там у Ягоды был тир, и там сидит основная масса обвиняемых)

В первой комнате. Ежов достаёт бутылку водки. Разливает по 4 стаканам.

Ежов. Ну, вздрогнули! (все выпивают, Литвин тянется за закуской). Э, нет, погоди! По первой не закусываем (достаёт вторую бутылку, разливает).

Литвин. Николай Иванович! Больше не могу. Курок не смогу нажать.

Ежов. Не сможешь? Тебя пристрелим!

Литвин. (Секунду потерянно смотрит на Ежова: всерьёз? Но тут хохот всех во главе с Ежовым. Литвин мгновенно подхватывает – тоже хохочет и показывает Ежову большой палец кверху. Дескать, я всё понимаю: хорошая шутка! Давясь, выпивает свой стакан. Все закусывают бутербродами).

Вторая комната (где Бухарин, Рыков, Ягода и Шарангович)

Бухарин (тихо, сидящему рядом Рыкову). Ты знаешь, Алексей, иногда я думаю: а не возмездие ли всё это нам за грехи нашей молодости?

Рыков. Ты о чём? О каких грехах?

Бухарин. Да, вот хотя бы эта цитата из моей «Экономики переходного периода». 1920 год, мне 32 года, но по моим книгам уже учится молодёжь. И вот у самого начала нашего восхождения я, без всяких колебаний, провозглашаю: «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как ни парадоксально это звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи». Сегодня для меня это звучит не «парадоксально», а просто чудовищно: «расстрелами» формировать «нового человека»! Чему я учил? Это же лексика сталинизма. Конечно, я довольно скоро понял чудовищность этой формулы. И написал массу страниц и книг, проповедуя гуманистическую политику, создание общества, которое я называл обществом «реального гуманизма», и это немного меня извиняет. Но то слово однажды вылетело и плотно легло на неразвитые мозги многих моих сограждан.

И великую теорию НЭПА (дарованную нам Ильичом) мы не додумали, не довели до конца. Дело в том, что нэп был плюралистической экономической *демократией* (пространством соревнования, сотрудничества и соперничества разных укладов и экономических тенденций). Но эта нэповская *демократия* всё время натыкалась на *недемократические* политические стены. Политическая система страны в эпоху нэпа оставалась практически неизменной со времён военного коммунизма: «диктатура пролетариата», однопартийность, приоритет революционной целесообразности по отношению к праву, жёсткий централизм. Вообще «диктатура пролетариата», думаю, не может быть политической системой нового, основанного на нэпе, социалистического общества. Нужна была, иначе говоря, по аналогии с Новой Экономической Политикой (НЭП) Новая

Политическая Политика (НПП) – политика демократии и гуманизма! Почему бы, в рамках Новой политической политики, не дать, например, возможность вернуться из эмиграции и появиться на политической арене страны конкурирующим с большевиками другим социалистическим партиям – меньшевикам и эсерам? Да, и знаменитый «философский пароход», в условиях Новой политической политики, можно было бы не снаряжать. Зачем выталкивать из страны несколько сотен талантливых, всемирно известных представителей русской интеллигенции? Провозгласили необходимость «культурной революции» - и цвет русской культуры выбросили за рубеж... В общем, мы не смогли, не успели демократизировать и гуманизировать свой общественный строй. Чем и воспользовались сталинцы.

Обо всём этом я подробно написал в своих «Тюремных рукописях» (позволили, по какой-то, не знаю, причине) сталинцы мне этим заняться во время долго шедшего следствия. Может их не уничтожат, и тогда они станут моим завещанием... И тогда, может, додумают наши потомки всё то, что не додумали мы...

Снова – первая комната (с Ежовым и его расстрельной командой)

Ежов. Ну вот. (Убирает пустые бутылки в портфель) А теперь – за дело (заглядывает в бумажку). Мы их собрали в комнате, где у Ягоды был тир. Удачное место выбрали? Так, первый будет - Буланов, мой бывший секретарь, мерзавец. Литвин – это тебе! (Литвин, пошатываясь, с пистолетом в руке идёт в «тир»).

Литвин. (Возвращается. Пьяно кривляется). Готово! Следующий!

Ежов. Фриновский! Твой клиент – Крестинский, бывший секретарь ЦК, между прочим. Цени доверие!

(комната затемняется. Только слышно: Следующий! Следующий!)

(Внимание переносится на комнату, где Бухарин и ещё трое))

Ягода (сидящему рядом Бухарину). Вот, ведь, судьба какая, Николай Иванович. Совсем недавно я, что называется, в лёгком подпитии со своей шумной, весёлой кампанией заваливался в этот тир. Соревновались на меткость. Ну, в подпитии мало кому удавалось поразить мишени. Похвастаюсь: я всегда был первым. М-да. А теперь вот сам в мишень превратился...

Бухарин. Молча встаёт и пересаживается на другой стул, подальше от Ягоды

Ягода. Вот вы какой гордец, Николай Иванович! Презрение выказываете. Бросьте! Через пять минут всем нашим эмоциям – конец.

Бухарин. (Снова – молча, пересаживается на третий стул, ещё дальше от Ягоды, к нему присоединяется и **Рыков**)

Ягода. Ну, и чёрт с вами! Махнул рукой и опустил голову...

Литвин. (выходит из «ежовской» комнаты. Шаранговичу). Пошли!

Шарангович (ошарашено). Подождите, подождите, товарищи. Мне же обещали. Я же...

Литвин (передразнивая) «Я же..., Мы же...». Давай топай. (тычет дулом в спину).

Шарангович. Позвольте! (громко:) Николай Иваныч!

Ежов. (из комнаты, не выходя) Литвин, чего ты там телишься?

Литвин. (тыча дулом). Ну же, давай, давай, не тяни резину. (уводит в «тир»)

Дагин. (выходит из «ежовской» комнаты). Так, Ягода, пошли.

Ягода. (встаёт и направляется к двери в «тир»).

Дагин. Куда? Вначале с Николаем Ивановичем нужно попрощаться.

(идут в «ежовскую» комнату. Слышен голос Ежова)

Ежов. А ну-ка, Дагин, дай-ка этому подонку за всех за нас!

(слышны удары и вскрики; потом открывается дверь, и Литвин с Дагиным волокут под руки Ягоду в полубессознательном состоянии в «тир»).

(Остаются – Бухарин и Рыков. Выходят Ежов и Фриновский – ну, как же, исторический момент!)

Ежов (Рыкову). Алексей Иванович, ваша очередь.

(Рыков и Бухарин обнимаются. Рыкова уводят)

Фриновский (Бухарину). Ну, Сократ, пошли!

Бухарин. (Спокойно, не скрывая презрения к Фриновскому, встаёт и идёт в «тир». Через мгновение слышен выстрел)

Ежов. Ну, работа закончена, теперь – на заслуженный отдых.

(четвёрка палачей уходит. Луч прожектора высвечивает спину Дагина. Голос «свыше», «Левитана» :

Дагин. В январе 1940 г. был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания.

(затем – спина Литвина, «Левитан»:)

Литвин. 12 ноября 1938 года застрелился, понимая неминуемость скорого ареста и возмездия (после смерти объявлен врагом народа)

(спина Фриновского, «Левитан»:)

Фриновский. 4 февраля 1940 года Военной коллегией Верховного суда СССР приговорён к смертной казни.

(спина Ежова, «Левитан»:)

Ежов. 3 февраля 1940 года был приговорён Военной коллегией Верховного Суда СССР к «исключительной мере наказания» — расстрелу

Голос («Левитан») над сценой:

Ни один не реабилитирован в связи с их участием в массовых репрессиях

Подслеповатый домишко (Кемеровская обл., пос Тисуль) 1956 год
(в комнате – Ларина и 6-летний Миша, её сын во втором браке,
завтракают)

(Стук в дверь, входит 19-летний юноша (Юра). Кидается к Лариной)

Юра. Мама!

Ларина. (обнимает его, долго молча стоят обнявшись, на глазах Лариной слёзы. Миша с удивлением смотрит на эту сцену). Юрочка, Юрочка! Вот как бывает! Вот как бывает!...

Юра. Теперь я понимаю, в кого я такой худой

(салятся за стол)

Ларина. Мишенька, это твой брат Юра.
(У Миши удивлённые глаза)

Миша. А почему ты раньше не приезжал?

Юра. Не мог уехать из детского дома. Да и адреса вашего у меня не было.

Миша. А почему ты был в детском доме?

Ларина. Мишутка, кушай кашу. Я потом тебе расскажу.

Юра. А ну, Михаил, отгадай: кто, как ты, ел манную кашу с малиновым вареньем?

Миша (неуверенно). Наверное, Ленин...

(Смеются).

Юра. Нет, дорогой Мишаня. Это – Буратино.

Миша. А я знаю: это – про золотой ключик.

Юра. А вот это молодец! А знаешь песенку оттуда? (напевает):

Далеко-далеко, за морем,

Стоит золотая стена.

В стене той заветная дверца,

За дверцей большая страна.

Ключом золотым отпирают

Заветную дверцу в стене,
Но где отыскать этот ключик,
Никто не рассказывал мне...

Миша. Знаю, знаю... Найти бы такой ключик.

Ларина. Вырастишь – найдёшь! А сейчас походи погуляй, вон уже вся твоя компания в сборе.

Миша (Юра). А ты теперь не уедешь?

Юра. Уеду на некоторое время. А потом вы с мамой ко мне приедете, и будем жить все вместе.

Миша. Ура! (убегает)

Ларина. С моим вторым мужем, Юра, я познакомилась в лагере. После освобождения он из-за меня остался в Сибири. Это был заботливый, светлый человек. Без него я бы тут не выжила. За связь со мной его трижды арестовывали. К 56 году наступило потепление. Можно было рассчитывать на нормальную жизнь. Но, измученный арестами, следствиями с применением пыток, он не выдержал. И в этом году он ушёл из жизни...

Юра. Теперь мы будем все вместе, мама... А расскажи, кто мой отец.

Ларина. А как ты думаешь, Юрочка?

Юра. Должно быть, профессор какой-нибудь.

Ларина _____ (смеётся). Бери выше – Академик.

Юра. Да? Даже академик? Вот ведь как: отец – академик, а я вот – дурак.

Ларина. Но главное не то, что он был академик. Он был известный политический деятель.

Юра. Даже так? Назови его фамилию. А то я – какой-то Гусман Юрий Борисович (придумали тоже!).

Ларина. (боясь его реакции). А фамилию его я назову тебе завтра.

Юра. Если ты мне не хочешь сказать сейчас, то давай сделаем так: я попробую сам назвать фамилию, а ты, если я назову её правильно, подтвердишь.

Ларина. Ну, попробуй.

Юра. Предполагаю, что мой отец – Бухарин.

Ларина (изумлённо). Если ты знал, зачем ты меня спрашивал?

Юра. Нет, я не знал, честное слово не знал.

Ларина. Как же ты мог догадаться?

Юра. Это элементарно, Ватсон! Ты мне сказала, что мой дед Иван Гаврилович. Значит, мой отец – Иванович и, как ты сказала, «видный политический деятель». Я их почти всех знаю. Прикинул: ну, значит, Николай ИВАНОВИЧ Бухарин!.. Mamочka, расскажи мне о нём.

Ларина. Юрочка, на это понадобится много времени. И со временем я обязательно тебе расскажу. И ты будешь им гордиться, как всю жизнь гордилась им я.

А сегодня, для начала разговора о твоём отце, прочти вот эти последние строки – обращение к потомкам (а значит и к тебе), написанное им накануне ареста 27 февраля 1937 года. Мне тогда было 23 года. Он был убеждён, что я доживу до такого времени, когда смогу передать это письмо в ЦК. Но будучи уверен, что письмо его будет изъято при обыске, он просил меня выучить письмо наизусть. Он много раз шёпотом читал мне своё письмо, а я должна была вслед за ним повторять. Ах, как он негодовал, когда я допускала неточность. Наконец, убедившись, что я запомнила твёрдо, рукописный текст уничтожил. Потом, в тюрьмах, лагерях, когда мне было очень тяжело, я повторяла про себя его строки. И боль отпускала.

Только сейчас, после XX съезда партии, я решилась воспроизвести эти строки на бумаге. Вот прочти. (протягивает листочек, Юрий начинает читать. Произносит первую фразу письма.

Юра. «Ухожу из жизни...» (Затемняется комната, где Юра и Ларина. И на абсолютно тёмной сцене луч прожектора высвечивает лицо артиста, играющего Бухарина. И он произносит текст письма, первую фразу которого прочитал Юра)

Бухарин. Опускаю голову не перед пролетарской секирой, должной быть беспощадной, но и целомудренной. Чувствую свою беспомощность перед адской машиной, которая, пользуясь, вероятно, методами средневековья, обладает исполинской силой, фабрикует организованную клевету, действует смело и уверенно...

В настоящее время в своем большинстве так называемые органы НКВД - это переродившаяся организация безыдейных, разложившихся, хорошо обеспеченных чиновников, которые в погоне за орденами и славой творят свои гнусные дела, кстати, не понимая, что одновременно уничтожают самих себя - история не терпит свидетелей грязных дел!

Любого члена ЦК, любого члена партии эти "чудодейственные" органы могут стереть в порошок, превратить в предателя-террориста, диверсанта, шпиона...

Грозовые тучи нависли над партией. Одна моя ни в чем не повинная голова потянет еще тысячи невинных. **Ведь нужно же создать организацию, "бухаринскую организацию", в действительности не существующую...**

Я свои взгляды излагал вместе с Рыковым и Томским открыто. С восемнадцатилетнего возраста я в партии, и всегда целью моей жизни была борьба за интересы рабочего класса, за победу социализма.

В эти дни газета со святым названием "Правда" печатает гнуснейшую ложь, что якобы я, Николай Бухарин, хотел уничтожить завоевания Октября, реставрировать капитализм. Это неслыханная наглость. Это - ложь, адекватна которой по наглости, по безответственности перед народом была бы только такая: обнаружилось, что Николай Романов всю свою жизнь посвятил

борьбе с капитализмом и монархией, борьбе за осуществление пролетарской революции.

Обращаюсь к вам, будущее поколение руководителей партии, на исторической миссии которых лежит обязанность распутать чудовищный клубок преступлений, который в эти страшные дни становится все грандиознее, разгорается как пламя. В эти, быть может, последние дни моей жизни **я уверен, что фильтр истории рано или поздно неизбежно смоем грязь с моей головы...** Прошу новое, молодое и честное поколение руководителей партии зачитать мое письмо на Пленуме ЦК, оправдать и восстановить меня в партии. Знайте, товарищи, что на том знамени, которое вы понесете победоносным шествием к коммунизму, есть и моя капля крови!"

Бухарин пропадает, снова – комната, где Ларина и Юра. Юра подходит к матери, обнимает её. Минута молчания. Комната затемняется.

Яркий свет на авансцене. Начинает потихоньку звучать «**Лакримоза**» Моцарта, потом всё громче и громче.

Голос (откуда-то Сверху):

Природа-мать! когда б таких людей

Ты иногда не посылала миру,

Заглохла б нива жизни...

На сцене стоят участники спектакля с портретами, тыльной стороной повёрнутыми к залу. Голос называет имена, после чего данный портрет поворачивается к залу «лицом» (и после каждого – звучат аплодисменты зала).

Примерный список имён

(желательно, чтобы он не был «узко-партийным»):

Джордано Бруно, Александр Радищев,

Пётр Чаадаев, Александр Пушкин,

Николай Чернышевский, Александр Герцен,

Николай Бердяев, Анатолий Луначарский,
Михаил Булгаков, Михаил Шолохов («Тихий Дон»),
Марина Цветаева, Виктор Некрасов («В окопах Сталинграда»),
Виктор Астафьев («Весёлый солдат»),
Борис Пастернак («Доктор Живаго»),
Александр Солженицын («Архипелаг Гулаг»), Махатма Ганди,
Че Гевара, Нельсон Мандела,
Александр Твардовский («Новый мир»), Андрей Сахаров.

И последний штрих: Разгримированные артисты, игравшие Сократа и Бухарина (под продолжающуюся Лакримозу) кладут цветы к «памятникам» Сократа и Бухарина.

КОНЕЦ